

The book cover is a black and white artistic composition. At the top, a silhouette of a castle with multiple towers is set against a dark, textured background. Below this, the authors' names are printed in a serif font. The title is written in a large, elegant, cursive script across the middle. The lower half of the cover features a detailed drawing of a woman's face with her eyes closed, looking downwards. To the left of her face, a tiny silhouette of a person stands on a small patch of ground. The word 'Любови' is written in a cursive script at the bottom right of the illustration.

НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

и другие

Удивительные
истории

Любови

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
УЗО

Серия «Удивительные истории»
Серийное оформление: *Ева Эллер*
Дизайн обложки: *Ева Эллер*
Иллюстрации: *Ева Эллер @eva_eller_art*

УЗО **Удивительные истории о любви** / Сборник.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 381, (1) с. (Удивительные истории).

ISBN 978-5-17-114804-1

Здесь не важны жанры — главное, все тексты о любви. И все удивительные. На что вы готовы, чтобы спасти любимых? Чтобы помочь им? А чтобы забыть? Как она выглядит — настоящая любовь? Какие принимает формы?

Обычный таксист бросает все и едет в Питер, чтобы спасти незнакомку.

Рина хочет выжить в лабиринте, кишашем монстрами. Полагаться можно только на голос в рации. Но приведет он ее к спасению или убьет?

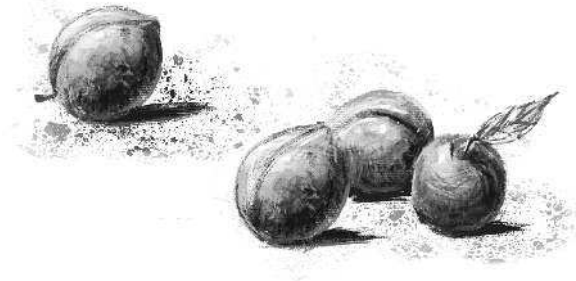
Загадочный «Он» много лет охраняет сон девушки и ищет того, кто разбудит ее поцелуем.

Энн и Михаил умирают за других. Это тяжело и больно, а они всего лишь хотят поймать короткие минуты счастья вместе.

Майя играет в шахматы с судьбой, чтобы помочь любимому. А Константин готов пойти на преступление, чтобы Ольга получила право иметь детей.

Удивительные истории. О любви.

© Авторы, 2019
© Е. Полянина, составление, 2019
© Ева Эллер, обложка, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Наринэ Авагян ЛЮБОВЬ

Аваканц Маро, теребя пуговицу жакета, громко, на весь судебный зал, глотала слюну.

За спиной, угнездившись на скрипучей скамье суетливой воробьиной стаей, шушукались ее соседки — Крнатанц Меланья, Василянц Катинка и Макаранц Софа. Иногда, не прерывая шушуканья, Меланья с Софой поворачивались в сторону ответчика и окидывали его осуждающим взглядом. Катинка, чтоб не отрываться от вязания, головы не повертывала, но каждый раз, когда подруги осуждающе смотрели, сокрушенно цокала языком. Ответчик — высокий, седобородый и неожиданно чернобровый старик — на каждое цоканье дергал плечом и кхекал. Заслышав его кхеканье, Маро громко сглатывала и усерднее теребила пуговицу жакета.

Стенографистка, молоденькая двадцатилетняя девочка (Маро, подслеповато щурясь, попыталась разобрать, чьих она кровей, но потом сдалась — молодежь сейчас так причесывается и красится, что своего от чужого не отличишь), заправляла бумагу в пишущую машинку. Судья, прикрыв глаза, ждал, когда она закончит.

— Я готова,— звонко отрапортовала стенографистка. Судья, поморщившись, открыл глаза. Несмотря на распахнутые окна, в комнате стояла невозможная духота. Октябрь хоть и напустил щедро разноцветья и подмораживал утреннюю росу, но убавлять полуденную жару не собирался — в обед солнце шпарило так, словно за окном не ополовиненная осень, а самое ее начало.

— Можете продолжать, истица,— разрешил судья.

Маро вцепилась теперь уже обеими руками в пуговицу жакета.

— Извини, сынок... забыла, где остановилась,— повинулась она.

Машинистка с готовностью заглянула в записи.

— ...ударил ковшиком,— подсказала она шепотом.

Меланья с Софой повернули головы, Катинка цокнула языком, ответчик кхекнул.

— Тишина в зале! — повысил голос судья.

Маро убрала в карман жакета оторванную пуговицу, вцепилась в другую.

— Ну да. Ударил ковшиком. Эмалированным. По голове. В этом ковшике я обычно яйца варю, ну или там пшенку для цыплят... хороший ковшик, неубиваемый. Служит верой и правдой двадцать

лет. Я его роняла несколько раз, а ему хоть бы хны. Не погнулся, и даже эмаль не облупилась...

— Не отвлекайтесь, истица.

— Ага. Так вот. Ударил он меня этим ковшиком по голове. Два раза. Потом выгнал из дому на веранду. Там персики сушились, дольками, на подносах. Схватил он один поднос и швырнул в меня. Попал в спину, вот сюда.— Маро погладила себя по пояснице. Вздохнула.— Сухофрукты попортил...

Судья перевел взгляд на ответчика. Тот сидел, сложив на коленях искореженные тяжелым деревенским трудом ладони. Несмотря на почтенный возраст, телосложения он был внушительного: осанистый, с широкими плечами и спиной, длинными руками и крепкими ногами. Лицо у него было открытое и какое-то очень располагающее: выцветшие от возраста желтоватые глаза, глубокие морщины, кривоватый, но красиво слепленный нос, рыжие подпалины в седой бороде — от табака. «А ведь по благообразному виду и не скажешь, что способен на такое»,— подумал судья. Расценив его пристальное, но доброжелательное внимание как поддержку, старик, оживившись, пожал плечами и воздел в недоумевающем жесте указательный палец — дескать, смотри, чего вытворяет! Судья поспешно отвел взгляд и нахмурился.

— Потом он меня спустил с лестницы,— продолжила Маро.

— Как спустил?

— Ну как... За шиворот схватил и ногой поддал. Вот сюда.— Она хотела показать куда, но смутилась.

— Ниже спины,— подсказал судья.

— Ага, ниже спины. Потом он гонял меня по двору метлой, пока я не выбежала на улицу.

Видно, терпение у старика кончилось. Он громко кхекнул и встал. Воробьиная стая на задней скамье сердито зашебаршилась, пальцы машинистки застыли над клавиатурой.

— Значит, я ее метлой не только гонял, но и бил! — уточнил старик. Голос у него оказался прокуренный, с отчетливой хрипотцой, некоторые слова он выговаривал дробно, переводя между слогами дыхание.

Судья выпрямился.

— Ответчик, вам слова не давали!

— Зачем давать, я сам скажу, когда захочу, — оскорбился старик, потоптался на месте, мелко переступая изношенными ботинками, махнул рукой и сел.

— Продолжайте, — разрешил судья истице.

Маро убрала в карман вторую оторванную пуговицу, вцепилась в третью.

— Так вы без пуговиц останетесь, — улыбнулся судья.

— А? А!!! Ничего, потом пришью. Я, когда волнуюсь, часто так... Потому пуговицы пришиваю слабенько, чтобы с мясом не отрывать.

— Кстати, мясо я тебе зубами не рвал? А то мало ли, вдруг рвал! — ржavo поинтересовался старик.

— Ответчик! — повысил голос судья.

Старик махнул на него рукой — да подожди ты, я с женой разговариваю!

— Семьдесят лет, а врешь, как малолетняя дуреха! Тьху! — Он плюнул в сердцах на дощатый пол и старательно растер плевков ботинком.

Судья вскочил с такой поспешностью, что опрокинул стул.

— Если вы сейчас же не прекратите безобразие, я вас оштрафую. Или вообще посажу в тюрьму! На пятнадцать суток!

Старик медленно поднялся со скамьи и хлопнул себя по бокам.

— За что посадишь? За то, что я со своей женой поговорил?

— За неуважение к суду!

Меланья с Софой прервали шушуканье, Катинка отложила вязание и уставились на судью. Маро ойкнула, старик хохотнул.

— Сынок, ты зачем меня тюрьмой пугаешь? (Он произносил «турма».) Ты городской, приехал недавно, в наших порядках еще не разобрался. Начальника тюрьмы Меликанца Цолака я вот с такого возраста знаю.— Он с усилием нагнулся и провел ребром ладони по своему колену.— Всю жизнь меня Само-дайи¹ называл. Не посадит он меня, хоть тресни. Так что ты это. Прекращай говорить такие слова!

«Интересно, как он жене ногой наподдавал, если еле нагибается»,— подумал судья. Он ослабил узел галстука, потом раздраженно сдернул его с шеи и расстегнул ворот рубашки. Сразу стало легче дышать.

— Садитесь,— попросил он ответчика.

¹ Дядя Само (арм.).

Старик опустил на скамью, сложил на коленях ладони, пожевал губами и притих.

— Вы хотите развестись с ним, потому что он вас бьет, так? — обратился судья к Маро.

Старик снова поднялся.

— Сынок, еще одно слово скажу и больше говорить не буду. Позволяешь?

— Говорите,— вздохнул судья.

— Ты посмотри на нее,— старик показал рукой на свою жену,— худая — одни кости, и росту в ней кот наплакал. Разве она похожа на осла? А может, она на барана похожа? Или на свинью?

— Ответчик! — рассердился судья.

— Посмотри на меня и посмотри на нее,— не дрогнул старик,— если бы я ее ударил ковшиком, она бы сейчас тут стояла? Сынок, разреши мне один раз ее ударить. Если не испустит дух — посади. Я с Цолаком договорюсь.

— Я вас точно посажу! — вышел из себя судья.

— Не надо его сажать! — взмолилась Маро.— Сынок, не слушай его, разведи нас и все.

— Не надо его сажать! — заголосила воробьиная стая.

У судьи лопнуло терпение.

— Ну-ка, вон отсюда! — взревел он.— Все вон! Все!!!

Воробьиная стая поднялась, оскорбленно поджала губы и засемила к выходу. Со спины старушки выглядели совершенно одинаково: длинные, темные шерстяные платья, накинутые на плечи жакеты, повязанные на затылке причудли-

вым узлом косынки. «И не жарко им?» — подумал судья.

Следом за воробьиной стаей потянулись истица с ответчиком. Истица теребила последнюю пуговицу жакета, истец шаркал изношенными подошвами ботинок.

Когда дверь за ними закрылась, стенографистка сердито отодвинула печатную машинку и тоже направилась к выходу. Коротенькая юбка еле доходила до середины бедра, щиколотки обхватывали тонкие ремешки босоножек, модная стрижка подчеркивала длину шеи. Перед тем как выйти, она обернулась и окинула судью осуждающим взглядом.

— Зачем вы с ними так?

— За дело!

— Ничего вы в наших людях не понимаете!

Судья побарабанил пальцами по столу. Кивнул, соглашаясь.

— Не понимаю.

— Вот и не надо тогда! — отрезала стенографистка и, не объяснив, чего не надо тогда, вышла.

«Уеду я отсюда», — подумал с тоской судья. Он действительно ничего не понимал в этих людях. Зачем им мировой суд, если они его в грош не ставят? Взять хотя бы двух вчерашних теток, не поделивших несущку. Пришли, главное, с курицей, сцепились в зале суда, стали друг у друга несчастную птицу вырывать, та квохчет и гадит от испуга, тетки никак не уймутся... Пришлось выгнать. И сегодняшних пришлось выгнать. Вот ведь странный народ.

Судье давно пора было уходить, но он сидел, положив локти на машинописные листы, и смотрел в окно. Небо, невзирая на почти летнюю жару, было хрипло-синим, надтреснутым. Совсем скоро холода.

Аваканц Маро подняла крышку эмалированного ковшика, удостоверилась, что пшенка сварилась. Отставила в сторону, чтобы дать ей остыть. Накрошит туда круто сваренных яиц, нарежет крапивы, будет цыплятам еда. Петинанц Само, скобля ложкой по дну тарелки, доедал рагу.

— Значит, этой штукой я тебя ударил, да? — хмыкнул он, наблюдая за тем, как жена осторожно убирает с печи эмалированный ковшик.— По голове, главное, ударил. Два раза.

Маро поджала губы. Села напротив и принялась чистить яйца.

— А подносом каким я в тебя кинул? Не тем ли, что на полке стоит? — кивнул он в сторону тяжелого мельхиорового подноса.

Маро подвинула к себе разделочную доску, стала сердито крошить яйца.

— А потом еще метлой тебя по двору гонял. Пока не выбежала на улицу! — не унимался Само.

Маро с раздражением отложила нож.

— А что мне надо было говорить? Что ты, старый дурень, на восьмом десятке головой двинулся и черт-те что вытворяешь?

— А что я такого вытворяю?

Маро не ответила.

Само оторвал кусочек горбушки, протер тарелку, собирая остатки рагу. Съел с видимым удовольствием.

— Еще хочешь? — спросила Маро.

— Нет, сыт уже.

Он откинулся на спинку стула, сложил на груди руки. Хмыкнул.

— Что поделаешь, хочется мне женской ласки!

Маро усерднее застучала ножом по разделочной доске. Само наблюдал за ней, растянув в едва заметной улыбке уголки губ.

— Три года ничего не хотелось, прямо выжженное поле. А теперь словно второе дыхание открылось. Вынь да положь! — хохотнул он.

— Я тебе дам «вынь да положь»! — рассердилась Маро.— Разводись, найди себе кого помоложе и кувыркайся. А я уже все! Откувыркала свое.

Само тяжело встал и смахнул крошки в тарелку. Проходя мимо жены, ущипнул ее за бок. Та ойкнула и пихнула его локтем.

— От старый потаскун!

— Люблю я тебя, дуру,— криво усмехнулся Само и понес ополаскивать тарелку.

Александр Цыпкин

ТОМАТНЫЙ СОК

Повесть о женщине из другого времени

Я нечасто видел слезы моих друзей. Мальчики ведь плачут в одиночестве или перед девочками (футболисты не в счет, им все можно). При других мальчиках мы плачем редко, и только когда уж совсем плохо.

Тем острее врезались в память слезы моего друга, внезапно появившиеся в его глазах, когда мы ехали в Москву, и я налил себе томатный сок.

Теперь перейдем к изложению сути дела, веселой и поучительной.

В юности у меня было много разных компаний, они переплетались телами или делами, постоянно появлялись и исчезали новые люди. Молодые

души жили словно в блендере. Одним из таких друзей, взявшихся ниоткуда, был Семен. Разгильдяй из хорошей ленинградской семьи. То и другое было обязательным условием попадания в наш социум. Не сказать чтобы мы иных «не брали», отнюдь, просто наши пути не пересекались. В 90-е разгильдяи из плохих семей уходили в ОПГ либо просто скользили по пролетарской наклонной, а НЕразгильдяи из хороших семей либо создавали бизнесы, либо скользили по научной наклонной, кстати, чаще всего в том же финансовом направлении, что и пролетарии.

Мы же, такая позолоченная молодежь, прожигали жизнь, зная, что генетика и семейные запасы never let us down. Семен, надо сказать, пытался что-то делать, работал переводчиком, приторговывал какими-то золотыми изделиями, иногда «бомбил» на отцовской машине. Он был очень старательным, честным и сострадающим, что в те времена едва ли было конкурентным преимуществом. Помню, сколько мы ни занимались извозом, обязательно находились пассажиры, с которыми Сеня разбалтывался и денег потом не брал. И еще он был очень привязан к родне, с которой познакомил и меня. Семьи у нас были похожи.

Молодые родители, тщетно пытавшиеся найти себя в лихом постсоциализме, и старшее поколение, чья роль выростала неизмеримо в смутное время распада СССР. Эти стальные люди, родившиеся в России в начале XX века и выжившие в его кровавых водах, стали несущими стенами в каждой семье. Они справедливо считали, что внуков доверять детям нельзя, так как ребенок не может воспитать ребенка. В итоге в семье чаще всего оказывались бабушки/дедушки и два поколения одинаково неразумных детей.

Бабушку Семена звали Лидия Львовна. Есть несущие стены, в которых можно прорубить арку, но об Лидию Львовну затупился бы любой перфоратор. В момент нашей встречи ей было к восьмидесяти, ровесница, так сказать, Октября, презиравшая этот самый Октябрь всей душой, но считавшая ниже своего достоинства и разума с ним бороться. Она была аристократка без аристократических корней, хотя и пролетариат, и крестьянство ее генеалогическое древо обошли. В жилах местами виднелись следы Моисея, о чем Лидия Львовна говорила так: «В любом приличном человеке должна быть еврейская кровь, но не больше, чем булки в котлетах». Она была крепка здоровьем и настолько в здравом уме, что у некоторых это вызывало классовую ненависть.

Час беседы с Лидией Львовной заменял год в университете, с точки зрения знаний энциклопедических, и был бесценен, с точки зрения знания жизни. Чувство собственного достоинства соперничало в ней лишь с тяжестью характера и беспощадностью сарказма. Еще она была весьма состоятельна, проживала одна в двухкомнатной квартире на Рылеева и часто уезжала на дачу, что, безусловно, для нас с Семеном было важнее всего остального. Секс в машине нравился не всем, а секс в хорошей квартире — почти всем. Мы с Семеном секс любили, и он отвечал нам взаимностью, посылая различных барышень для кратко- и средне-срочных отношений. Кроме того, Лидия Львовна всегда была источником пропитания, иногда денег и немногим чаще — хорошего коньяка. Она все понимала и считала сей оброк не больно тягостным, к тому же любила внука, а любить она умела. Это, кстати, не все могут себе позволить. Боятся. Бабушка Лида не боялась ниче-

го. Гордая, независимая, с прекрасным вкусом и безупречными манерами, с ухоженными руками, скромными, но дорогими украшениями, она до сих пор является для меня примером того, какой должна быть женщина в любом возрасте.

Цитатник этой женщины можно было бы издавать, но мы, болваны, запомнили не так много.

«Докторская диссертация в голове не дает право женщине эту голову не мыть». Мы с Семеном соглашались.

«Деньги полезны в старости и вредны в юности». Мы с Семеном не соглашались.

«Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него». Мы с Семеном не имели четкой позиции.

«Сеня, ты пропал на две недели, этого даже Зощенко себе не позволял» (писатель, я так понимаю, в свое время проявлял к Лидии Львовне интерес).

«Бабушка, а почему ты сама мне не могла позвонить?» — пытался отбояриться Семен.

«Я и Зощенко не навязывалась, а тебе, оболтусу, уж давно не собираюсь. Тем более у тебя все равно кончатся деньги и ты придешь, но будешь чувствовать себя неблагодарной свиньей. Радость невеликая, но все же».

Семен чуть ли не на руке себе чернилами писал: «позвонить бабушке», но все равно забывал, и его, как и меня, кстати, друзья называли «бабушкозависимый».

«Я знаю, что здесь происходит, когда меня нет, но, если я хоть раз обнаружу этому доказательства, ваш дом свиданий закроется на бесконеч-